
В. И. ПАНТИН, В. В. ЛАПКИН

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

В статье с позиций сравнительно-исторического анализа, цивилизационного подхода и теории эволюционных циклов международной экономической и политической системы рассмотрены эпоха великих потрясений в международной политике и экономике 1921–1945 гг. и современная эпоха начала 2000-х – конца 2010-х гг. Показано, что, несмотря на различия в уровне технологий и организации общества, между этими эпохами существуют важные черты сходства и структурного подобия. В то же время в современном мире растет число действующих центров политической силы и активизируются локальные цивилизации. В этом контексте проанализированы основные тенденции, проблемы и возможные альтернативы мирового и российского политического развития. Предложен и аргументирован тезис о том, что сегодня международный терроризм (особенно в его радикально-исламистской версии), как в 1930–1940-х гг. нацизм, является главным глобальным вызовом для всех государств. А все попытки сотрудничать с террористами или использовать их против своих геополитических противников ведут к разрушению международной системы безопасности, к политической дестабилизации, деградации международного права, а также легитимного и плюралистического миропорядка. Сделан вывод о том, что главной альтернативой глобальным проектам, пытающимся унифицировать весь мир, является полицентричное мироустройство, учитывающее особенности разных цивилизаций и интересы разных государств.

Ключевые слова: эпоха великих потрясений, экономические и политические потрясения, полицентричная мировая система, Россия, США, панисламизм, глобальные проекты, региональные конфликты, международный терроризм, политическая дестабилизация.

Введение. Время великих потрясений

В настоящее время весь мир, все человечество переживает период великих потрясений и стремительных изменений в экономике, финансовой сфере, социальных отношениях, геополитике, стремительно приближаясь к критическим, пороговым параметрам не-

устойчивости и всеобщей дестабилизации. Этот период великих потрясений мировой экономической и политической системы наметился еще в начале 2000-х гг., стал особенно ощутимым после глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., и, наконец, получил свое яркое политическое воплощение после начавшейся в 2011 г. Арабской весны, интервенции НАТО в Ливии в 2012 г., государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. и последовавших затем событий. Очевидно, что великие потрясения в мировой политике и экономике далеки от своего завершения, и главные, наиболее масштабные экономические и геополитические сдвиги еще впереди. Смысл и содержание этих потрясений состоят в дестабилизации и частичной хаотизации мировой системы, которые приведут к ее радикальному изменению, к масштабным технологическим, финансовым, экономическим, социальным, культурным и геополитическим сдвигам. В этой связи весьма остро и актуально стоит вопрос о прогнозировании основных направлений будущих сдвигов, а также о существующих альтернативах мирового развития.

Две эпохи великих потрясений в сравнительной перспективе

Парадоксально, но бурные и во многом уникальные современные события, происходящие на наших глазах, никак нельзя понять без обращения к истории. Более того, только знание истории позволяет дать верный прогноз будущего мирового развития. «...История повторяется. Уинстон Черчилль был не первым, кто заметил, что “чем дальше ты заглянешь в историю, тем дальше ты увидишь будущее”. Логика многих процессов циклична. За урожаями идут неурожаи, империи возникают и разваливаются, левые сменяют у власти правых...» (цит. по: Безруков 2015: 10). Сравнительно-исторический анализ показывает, что между предшествующей эпохой великих потрясений 1921–1945 гг. и современной эпохой начала 2000-х – конца 2010-х гг. при всех очевидных различиях между ними (состоящих, например, в использовании в современном мире гораздо более разрушительных и изощренных военных технологий, наличии Интернета, ведении глобальных информационных войн и др.) наблюдаются некоторые важные, не поверхностные, а глубинные содержательные черты структурного подобия. Несмотря на

очевидную разницу в уровне развития общества и международных институтов, на иную геополитическую конфигурацию противостоящих центров силы, эти черты подобия очевидны, и на них указывали многие авторы (см., например: Кругман 2009; Акаев, Пантин 2012; Аладьин и др. 2016). Структурное подобие эпох (фаз) великих потрясений 1921–1945 гг. и начала 2000-х – начала 2020-х гг. прямо вытекает из концепции циклов эволюции мировой политической и экономической системы (Пантин, Лапкин 2006; 2014). Отметим, что Первая мировая война 1914–1918 гг. разразилась непосредственно в преддверии эпохи великих потрясений 1921–1945 гг., и ее безусловно следует рассматривать в качестве предыстории этой эпохи. Точно так же в качестве непосредственной предыстории текущей эпохи великих потрясений следует рассматривать впечатляющую последовательность событий 2000–2003 гг., дестабилизировавших основные проблемные регионы и финансовые механизмы, обеспечивавшие режим глобальной гегемонии мирового лидера. Вот ее основные вехи: мировой экономический кризис 2000–2001 гг.; события 11 сентября 2001 г. (учитывая неоднозначную роль в них спецслужб и шлейф разного рода «тайных операций»); оккупация Афганистана войсками НАТО в 2001 г.; начало новой длительной афганской войны, которая не закончилась до сих пор; резкая активизация «Аль-Каиды» и других террористических организаций; интервенция США и их союзников в Ираке в 2003 г. Подобно тому как Первая мировая война во многом определила неизбежность последующих политических и экономических потрясений, включая и Великую депрессию, перечисленные события начала 2000-х гг. предопределили текущую дестабилизацию всей мировой системы, длящуюся уже более десятилетия и не находящую эффективного разрешения.

Чтобы не возникало впечатления произвольности и неточности понятия «эпоха великих потрясений», наметим критически значимые *отличительные признаки* этой эпохи в мировой экономике и политике.

1) Наличие чрезвычайно глубокого мирового экономического кризиса, развитие которого ведет к длительной стагнации всего мирового хозяйства, к его углублению с тяжелыми и долговременными социальными и политическими последствиями, а порождаю-

щие его фундаментальные причины не могут быть устранены «традиционными» антикризисными методами.

2) За этим кризисом непременно следует длительная «Великая депрессия», или, как более сдержанно именуют последствия кризиса 2008–2009 гг. современные экономисты, «Великая рецессия». По поводу того, завершилась она или еще продолжается, эксперты ведут то утихающие, то снова разгорающиеся споры, но реального оживления мировой экономики до завершения этой эпохи не наблюдается.

3) Эпоха насыщена многочисленными международными политическими и (особенно в ее заключительной фазе) военными конфликтами в разных регионах, которые в итоге неизбежно перерастают в мировую или (как сегодня) в глобальную гибридную войну. Анализ структуры «эпохи великих потрясений» выявляет три характерные фазы. Это, во-первых, начальная фаза, в ходе которой в преддверии мирового кризиса наблюдается всеобщая дестабилизация прежних практик и институциональных основ экономического и политического порядка. Во-вторых, срединная фаза, собственно период депрессии (рецессии), обострения внутренних социальных и политических конфликтов, не находящих решения в рамках прежних управленческих парадигм, вызревания будущих войн, революций и социальных катастроф, охватывающих большие массы населения. Это, наконец, завершающая фаза, характеризующаяся предельным обострением социальной и международной конфликтности, побуждающим мировых акторов к использованию прямых силовых методов разрешения международных политических и экономических противоречий, иными словами, период непрерывных кризисов, войн и революций. Для текущей эпохи знаковой инновацией, маркирующей перерастание второй ее фазы в третью, то есть глобального экономического кризиса в глобальный социальный и геополитический кризис, стали массовые многомиллионные миграции экономически и витально мотивированных беженцев из разоренных войнами и революциями стран преимущественно Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока.

Важным структурным элементом эпохи является так называемая «низшая точка» всего эволюционного цикла, располагающаяся ровно посередине данной эпохи (соответственно в 1933 г. и 2011 г.). Именно в этой точке мировая система сталкивается с самым драма-

тичным за весь эволюционный цикл вызовом ее целостности и сложившемуся в ней порядку, именно в ней происходит перелом, символический «крах» старого мира и зарождение его новых эволюционных альтернатив.

Так, 1933 г. отмечен приходом к власти (назначением рейхсканцлером) А. Гитлера в Германии, установлением там тоталитарного, милитаристского режима, выходом Германии и Японии из Лиги Наций, а также провозглашением президентом США Ф. Рузвельтом политики «нового курса». Эти важнейшие события обусловили стремительное продвижение мира одновременно и к новой мировой войне, и к новому глобальному экономическому порядку, который утвердился по ее итогам. Важнейшим и столь же переломным событием 2011 г. явилось начало так называемой *Арабской весны*, ставшей важнейшим политическим и геополитическим переломом современного мирового развития, не только дестабилизировавшим Арабский (и шире – исламский) мир, но породившим к настоящему времени глобальный миграционный кризис, представляющий серьезнейший вызов для Евросоюза и всей западной цивилизации. Последствия инициированных в 2011 г. событий ведут к радикальной перекройке всей мировой политической повестки, формируют событийный контекст, ставящий под сомнение адекватность лидерских претензий США, провоцируют появление альтернативных проектов нового глобального миропорядка.

4) Эпоха в целом характеризуется кризисом мировой финансовой системы, кризисом мирового лидерства и завершается лишь тогда, когда глобальная система находит разрешение этих двух фундаментальных кризисов на путях выработки новых принципов построения мировой финансовой системы и формирования мирового лидерства. Завершение этой эпохи маркировано знаковыми событиями, инициирующими институциональную трансформацию мировой финансовой системы и мирового лидерства; при этом с точки зрения геополитической локализации центра миропорядка (в его финансовом и политическом аспектах) возможны как его сохранение, так и трансляция, перенос на новую геополитически локализованную площадку. Формат такой «площадки» меняется со сменой исторических эпох. Для эпохи Нового времени такая «площадка» представляла собой, как правило, причудливый симбиоз го-

сударства-нации и глобальной торгово-промышленной или промышленно-финансовой империи. Сегодня, в период постмодерной трансформации мира модерна, формат и характер локализации такой «площадки» могут (и должны) кардинально измениться.

5) В эту эпоху всеобщей дестабилизации прежнего миропорядка наблюдается повсеместный резкий рост терроризма в разных его формах (включая государственный терроризм), политического экстремизма, идеологического шовинизма, агрессивного поведения разного рода политических субъектов, а также широчайшее распространение тоталитарных идеологий и практик.

6) В социально-политическом аспекте эта дестабилизация проявляется во всеобщей деградации демократических политических институтов, в расширении практик полицейской слежки за инакомыслящими и их преследования, даже в нарушение незыблемых прежде конституционно-правовых принципов и норм, в том числе в самых демократических странах. В наши дни, развивая принципы униполярности, эти практики приобретают поистине глобальный размах, распространяясь «поверх границ» далеко за пределы отдельных стран, побуждая вспомнить о пресловутом концепте «мирового жандарма».

Все эти признаки характерны как для эпохи 1921–1945 гг., так и для эпохи начала 2000-х – конца 2010-х гг.

Итак, в чем же конкретно состоят основные черты подобия и сходства между двумя рассматриваемыми и столь важными для понимания современной глобальной динамики эпохами великих потрясений? В начале 2000-х гг., как и в начале 1920-х гг., казалось, что Запад, и прежде всего англосаксонские державы – Великобритания и США, одержали «полную и окончательную» победу над всеми своими геополитическими противниками. К началу 1920-х гг. это были побежденная в Первой мировой войне Германия и обескровленная длительной гражданской войной Советская Россия; к началу 2000-х гг. – распавшийся Советский Союз, образовавшаяся в результате этого распада ослабленная, постдефолтная, подвергшаяся олигархическому разграблению Россия, Китай, казалось бы, прочно «пристегнутый» к западным финансам, технологиям, потребительскому рынку идвигающийся в западном фарватере, наконец, исламский мир, опутанный нефтяными контрактами и

прозападной агентурой и накачанный нефтедолларами. Сделанное еще в конце 1940-х гг. предупреждение видного британского историка и философа А. Дж. Тойнби (Тоунбее 1948; Тойнби 1996: 127–128) о том, что разбуженный и радикализовавшийся ислам будет представлять угрозу для всего мира, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. было прочно забыто, а казавшиеся легкими победы США и их союзников в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.) только укрепили уверенность Запада в своей силе и непогрешимости. Точно так же предвидение крупного американского политолога С. Хантингтона о том, что главный конфликт XXI в. будет разворачиваться между западной цивилизацией, с одной стороны, и исламским миром и Китаем – с другой (Хантингтон 1994; Huntington 1996), было во многом проигнорировано. Более того, в духе политкорректности, толерантности и борьбы с исламофобией было объявлено, что Хантингтон «был не прав», что он, как и Тойнби, «старомоден», а вместо различных локальных цивилизаций под руководством Запада формируется (если уже не сформировалась) единая глобальная либеральная цивилизация.

Структурные особенности системы мировых центров силы

Увы, адептами нового униполярного миропорядка, централизованного мировым лидером, полностью игнорировался структурно-динамический аспект системы мировых центров политической и экономической силы, а именно то обстоятельство, что эта система имеет довольно сложную структурную организацию, в рамках которой, в частности, следует различать центр-лидер и противочентр, а также то, что периодически, с определенной регулярностью происходит смена государств, занимающих эти функциональные ниши. Причем в результате каждой такой перемены сменяемые центры силы сохраняют (правда, в несколько редуцированном виде) элементы своей субъектности, оставаясь в рамках системы и способствуя ее дальнейшему структурному усложнению.

Уточним, что центром-лидером этой системы мы называем государство – ведущий мировой центр ее развития, качественного усложнения и эволюционной трансформации, функционально предназначенный распространять с использованием всей своей ресурсной мощи по всему миру свою модель модернизации и социально-

политического устройства, повсеместно внедрять универсальные институты политико-правового и финансово-экономического порядка, ценности универсального общения и культурной унификации, императивно требуя их освоения в качестве непреложного условия взаимодействия с ним.

В свою очередь противополем мы называем государство, функционально выступающее на соответствующем эволюционном этапе развития этой системы антагонистом мирового лидера и также являющееся мировым центром политической и экономической силы, но стремящееся реализовать системную альтернативу центру-лидеру (Лапкин, Пантин 2001; см. также: Модельски 2005). Его альтернативность проявляется и в продвигаемой им стратегии модернизации, и в проводимой глобальной интеграционной политике, и в демонстрируемых моделях накопления ресурсов развития и социально-политического устройства. В целом же противополем является своего рода фактором сдерживания универсалистско-унификационных устремлений центра-лидера, грозящих при их последовательной реализации утратой жизнеспособности и эволюционного потенциала мировой системы в целом за счет утраты разнообразия стратегий развития. Фактически функциональное значение такой структурной инновации мировой системы, как противополем, в том, чтобы предохранять ее от перспективы деградации по образцу Римской империи. В свое время Рим так и не смог (не решился) допустить существование своего системного антагониста, способного составить ему сдерживающую конкуренцию и тем самым вернуть его гражданам интерес к жизни, ни создав его искусственно (на покоренных им территориях), ни поспособствовав соответствующей трансформации какого-либо из окружающих его «варварских» протогосударств.

Напротив, в эпоху Нового времени именно противополем всякий раз принуждает центр-лидера «вернуться к реальности», и в этом его неопределимая заслуга перед мировой системой в целом.

Отметим, что в разное время в течение последних четырех веков функциональную нишу центров-лидеров последовательно занимали Голландия, Великобритания, США, а альтернативную функциональную нишу противополема – соответственно Франция, Германия, СССР (Arrighi 1994; Modelski, Thompson 1996; Лапкин,

Пантин 2004). При этом важно подчеркнуть, что наличие одного или двух (в переходной ситуации смены «старого» «новым») противочетров в мировой системе неизбежно и необходимо для ее развития, так как следование всеми государствами мира единообразной модели развития, диктуемой центром-лидером, ведет в итоге к застою и деградации всей системы. Отсутствие стимулов к культивированию экономического, социального, политического и культурного разнообразия ставит пределы эволюционному процессу, тогда как конкуренция моделей модернизации, политического и социально-экономического развития является движущей силой эволюции мировой системы. Упразднение такой конкуренции (или, точнее, иллюзия возможности этого в условиях ситуативного доминирования центра-лидера) всякий раз провоцирует постановку на повестку мирового развития перспективы глобальной монополии, стратегически уводящей мир в тупик.

Такая перспектива «конца истории» стала, к примеру, явственно вырисовываться в 1990-х гг. после распада СССР и упадка российского влияния в мире (на фоне слабости и понятной геополитической осторожности нового, еще формирующегося тогда противочетра – КНР). В этот сравнительно недавний период все мы были свидетелями попыток центра-лидера навязать миру идеологию бессрочного единоличного лидерства, мирового гегемонизма, отягощенного мессианскими (то есть, по сути, имперскими) комплексами. Но разговоры о «конце истории» в этот период были явно преждевременными. Глобальный кризис 2008–2009 гг. внес существенные коррективы в наши представления о перспективах мирового развития.

Для более ясного понимания эволюционного значения и стратегических последствий глобального кризиса и всей эпохи великих потрясений еще раз вернемся к сопоставлению двух последних таких эпох. Как хорошо известно, после кризиса 1929–1932 гг., который сильнее всего ударил по Германии и США, в Германии была установлена нацистская диктатура. Серьезно пошатнулись позиции европейских колониальных держав, и без того ослабленные по итогам Первой мировой войны, прежде всего Великобритании и Франции. Япония, воспользовавшись открывшимися возможностями, оккупировала значительную часть Китая и стала претендовать на ге-

гемонию в Азии. В США новый президент Ф. Д. Рузвельт вынужден был пойти на беспрецедентные для страны меры по контролю над банковской сферой, а также начать глубокие реформы экономики страны в рамках политики «Нового курса». Советский Союз встал на путь беспощадной по отношению к традиционным социальным укладам форсированной индустриализации и, приступив на основе выстроенной мобилизационной экономики к перевооружению, резко усилил свое влияние в мире. Прежний полуколониальный глобальный проект *Pax Britannica* в результате резкого ослабления старого мирового центра-лидера Великобритании стремительно утрачивал свою доминирующую в мире роль.

Характерно, что по итогам Второй мировой войны проект *Pax Britannica* не был полностью упразднен, а продолжил существование в символической форме ориентированного на Лондон Содружества наций, сохранившего некоторые знаковые атрибуты империи. А на мировой арене на смену ему тогда же, в 1930-е гг., в разгар эпохи великих потрясений, началось продвижение сразу нескольких альтернативных проектов регионального, а затем и глобального передела мира. Наиболее амбициозными из них следует признать три: а) нацистский проект мирового господства на основе военной мощи и сегрегации по национальному и расовому признакам (продвигаемый старым противополем – Германией); б) глобальный проект *Pax Americana*, основой привлекательности которого была индустриально-технологическая и финансово-экономическая мощь продвигавшего его нового мирового центра-лидера – США; в) советский проект «мирового коммунизма» (инициированный новым противополем – Советским Союзом и продолживший в новых условиях дело «мирового интернационала» и «мировой революции» на ресурсной базе первого «социалистического» государства).

По итогам Второй мировой войны первый (нацистский) проект был единодушно осужден мировым сообществом, а потенциал его реализации практически полностью уничтожен. Проект *Pax Americana* пришел – в масштабе всей мировой системы – на смену проекту *Pax Britannica* и возложил на себя бремя глобального лидерства в вопросах социальной, экономической и культурной политики, повсеместного продвижения новых технологий, средств коммуникации и управленческих практик. Советский проект, подвергшийся по

итогах войны принципиальной трансформации, стал основой формирования альтернативного второго мира, так называемой «мировой системы социализма», отстояв ценой отказа от повсеместного продвижения «мировой революции» право на контроль и гегемонию в территориальных пределах соцлагеря. В итоге на длительный период (более чем на сорок лет) сложилась асимметричная *биполярная* система миропорядка, в рамках которой сфера доминирования централидера ограничивалась геополитической областью влияния противостоцентра.

Новая «Великая трансформация»?

Такого же масштаба и значения трансформации, хотя и с некоторыми модификациями и в существенно усложненном формате, происходят сегодня на наших глазах. Как после мирового кризиса 1929–1932 гг., так и после глобального кризиса 2008–2009 гг. в мире начались тектонические сдвиги, свидетельствующие вовсе не о «конце истории», а о начале нового ее этапа – этапа реконструкции миропорядка.

Так, накануне кризиса казалось, что глобальный проект *Pax Americana* уже полностью победил благодаря огромной финансовой, политической и военной мощи США. Этот глобальный проект был и остается крайне выгодным для американских ТНК, финансовой, правовой и политической систем. Он обеспечивает Соединенным Штатам и их бизнесу, имеющему транснациональные, глобальные амбиции, практически неограниченный, монопольный (в силу фактической монополии доллара в качестве мировых денег) доступ к рынку финансовых заимствований под гарантии американских государственных и корпоративных ценных бумаг. Он позволяет США контролировать рынки покупателей американской валюты, потребителей новых американских технологий, услуг американской правовой и финансовой систем и т. д. В совокупности это обеспечивает США условия для вывоза и прибыльных инвестиций американского капитала, подчиняющего себе столь же «неограниченный» рынок дешевой рабочей силы мировой периферии, а также рынки растущего гиганта – КНР. В последнее время этот вездесущий контроль США все в большей мере распространяется и на финансовые, торговые и технологические трансакции бизнес-структур большинства

других стран. Это создает для них серьезные затруднения на пути преодоления затяжной рецессии и заметно ухудшает показатели динамики их роста.

Иными словами, этот проект сегодня оказывается не только устаревшим по многим параметрам, определяющим парадигму современного развития, но и чрезвычайно опасным для всего человечества. Повсеместно насаждая всеобщую унификацию, монополизацию ресурсов, стандартизацию и нивелирование различий в сферах общества и культуры, *Pax Americana* подавляет цивилизационное, национальное и этнокультурное многообразие мира (что является двигателем и источником всякого развития) (Глазьев 2015: 102; Цыганков 2015). Этот проект уже более десятилетия сдерживает, а порой и «обращает вспять» тренды мирового развития, причем не только в экономическом, но и в политическом и социокультурном аспектах. Об этом свидетельствуют и затянувшаяся глобальная экономическая депрессия (рецессия), и повсеместный кризис представительной демократии, кризис национально-территориального государства как универсального базового элемента миропорядка, кризис самоидентификации, традиционных, а теперь и постмодернистских, ценностей. Наконец, именно силы, заинтересованные в дальнейшем продвижении этого проекта, столкнувшись в ситуации глобального кризиса с серьезными проблемами в его реализации, инициировали по сути разрушительную для современной цивилизации стратегию «управляемого хаоса», ориентированную на такую трансформацию прежнего миропорядка, которая ценой замедления развития всех других государств сохраняла бы за США статус единолично доминирующей державы.

Если этот проект получит возможность дальнейшего распространения хотя бы в течение еще 20–30 лет, то, вопреки пропаганде его адептов и иллюзиям сторонников «объединения человечества во имя прогресса», развитие мира неизбежно придет к тому же, к чему пришла в итоге эффективно унифицировавшая античный мир Римская империя – к всеобщему застою, моральной деградации и глубочайшему кризису. И эта перспектива уже вполне просматривается при условии линейной экстраполяции сегодняшних тенденций. Однако в противовес существующему и доминирующему пока что проекту неолиберальной глобализации и *Pax Ameri-*

сана тихо и незаметно сформировался альтернативный и, по сути, столь же глобальный проект Китая как «мировой фабрики».

А наряду с ним все более активно продвигает себя не менее глобальный, но гораздо более агрессивный проект радикального панисламизма и «Всемирного халифата» в разных его вариантах. После того как ячейки «Аль-Каиды» с легкой руки спецслужб оплели почти весь мир, в 2014 г. возникло «Исламское государство» (запрещенная в России террористическая организация), глава которого Абу Бакр аль-Багдади, скрываясь под маской ислама, прямо провозгласил глобальный террористический проект.

При этом между нацизмом 1930-х гг. и современным международным терроризмом, если рассматривать не внешние, а сущностные их черты, есть немало общего, что лишний раз свидетельствует о подобии эпох великих потрясений 1921–1945 гг. и начала 2000-х – конца 2010-х гг. И тот и другой «проекты» претендуют на мировое господство, широко используя террор против всех несогласных, ведут глобальную войну, угрожая всем другим государствам, не желающим следовать их примеру. И нацизм, и сегодняшний радикальный исламизм используют беспощадную тоталитарную идеологию, распространяющуюся по всему миру подобно эпидемии. И тот и другой возникли как реакция на глубокий мировой экономический кризис (в первом случае – на кризис 1929–1932 гг., во втором – на кризис 2008–2009 гг.), а также на унижение, связанное с грубым, насильственным, бесцеремонным вмешательством в чужие дела держав-победительниц. В первом случае речь идет о бенефициарах Версальского мира, территориального передела и огромной контрибуции, наложенной на Германию; во втором случае – о лидерах коалиции во главе с США, фактически оккупировавших Афганистан, Ирак и поставивших под свой контроль экспорт углеводородов из Ливии. Наконец, и в случае нацизма 1930-х гг., и в случае международного исламистского терроризма первой четверти XXI в. налицо не объединение сил международного сообщества во имя противостояния общей угрозе, а, напротив, привнесение глубоких противоречий в отношения между ведущими государствами. В частности, как и тогда, сегодня мы наблюдаем почти открытую вражду между США и Великобрита-

нией, с одной стороны, и Россией (в 1930-е гг. – Советским Союзом) – с другой.

Эти и многие другие параллели между эпохой великих потрясений 1921–1945 гг. и эпохой великих потрясений первых двух десятилетий XXI в. отнюдь не случайны, и в том и в другом случае они связаны с глубокой дестабилизацией мировой финансовой, экономической и политической системы. Но есть и принципиально важные различия, вызванные возросшей сложностью мировой системы, новыми технологиями, а также иной, более сложной расстановкой сил на международной арене. Прежде всего одно из принципиальных отличий состоит в том, что разрушительные тотальные мировые войны, ставшие главным средством разрешения накопившихся в первой половине XX в. противоречий, в эпоху ядерного оружия, способного уничтожить весь мир, трансформировались в глобальную гибридную войну – на информационном, психологическом, экономическом, политическом, дипломатическом, идеологическом фронтах, с использованием «горячих» и «замороженных» региональных конфликтов. При этом главной целью гибридной войны является деморализация и психологическая обработка населения страны-противника, ее армии и правящей элиты, дискредитация ее политического строя, правовых и социально-экономических институтов, присущих большинству ее граждан культурных предпочтений и ценностных установок. В ходе информационной и психологической войны демократические государства нередко используют приемы, которым позавидовала бы геббельсовская пропаганда, а реальная ситуация с помощью СМИ и Интернета сплошь и рядом подменяется виртуальной, сконструированной, «фейковой».

Тем не менее постепенное осознание глубины и масштабов угроз, вставших в последние годы перед цивилизованным сообществом, беспрецедентность террористического вызова самим основам современной культуры и общественного порядка, утвердившегося почти повсеместно в результате многовековой эволюции, склоняет даже конфликтующие нации и политические системы к сотрудничеству, которое постепенно обретает черты глобальной войны с террором. Это принудительное объединение, непрочное, неустойчивое, еще только наметившееся, с неизбежностью обреченное на распад при первых же признаках успеха и снижения

уровня угроз (когда придет пора «делить плоды победы»), тем не менее уже сегодня придает ситуации новое качество – качество необратимости происходящих в мире перемен.

Точно так же, как 1945 г. дал миру ощущение нового качества, нового порядка в сферах экономики, геополитики, финансов, безопасности и межстрановых коммуникаций, так и ближайшие годы явят нам результирующий итог текущего драматического периода *великих потрясений* мировой экономики и политики.

Новая расстановка сил в мире

Пожалуй, самое главное различие между двумя рассматриваемыми эпохами великих потрясений состоит в том, что расстановка сил в мире стала гораздо более сложной и динамичной. В 1930-х – начале 1940-х гг. старому центру-лидеру (Великобритании) противостоял старый противочентр (Германия). Новый поднимающийся центр-лидер (США) и новый противочентр (СССР) имели серьезные противоречия с Великобританией, но в итоге вынуждены были объединиться с ней для совместной борьбы с нацистской Германией, захватившей почти всю Европу, и милитаристской Японией, оккупировавшей большую часть Азии. В отличие от этого современная расстановка сил является значительно более запутанной, неожиданной и даже парадоксальной. Помимо США, старого центра-лидера, и Китая, который пока соединяет в себе и признаки нового противочентра, и некоторые потенции будущего мирового экономического лидера, в мировой политике важную роль играют Европейский союз, Россия и исламский мир. При этом Россия, которая должна была бы играть роль старого противочентра и в итоге потерпеть поражение в результате агрессивной самоизоляции (как это произошло в свое время с Францией в 1871 г. и Германией в 1945 г.), в действительности ведет себя совершенно по-другому. Несмотря на все усилия США и отчасти Европейского союза, изолировать Россию и представить ее «врагом человечества № 1» никак не удастся (хотя такие попытки предпринимаются постоянно). Россия не только входит в БРИКС и ШОС, где она играет важную, во многом цементирующую эти организации роль, но и активно взаимодействует с другими государствами Азии, Африки, Латинской Америки, Европы.

Более того, ни одна серьезная проблема в региональной и мировой политике, будь то иранская или северокорейская ядерная программа, борьба с международным терроризмом, стабилизация и урегулирование политического кризиса на Украине, проблемы Ближнего Востока и Центральной Азии и т. п., не может быть решена без участия России. Происходит это прежде всего потому, что в отличие от Франции 1871 г. и Германии 1945 г. сегодня в мировой политике активно действует не одна западная цивилизация, но множество разных цивилизаций, а Россия, благодаря своему уникальному геополитическому и геокультурному положению между Западом и Востоком, а также благодаря своей истории, полиэтничности и поликонфессиональности, играет необходимую роль посредника во взаимодействии различных цивилизаций и культур. Иными словами, можно с уверенностью утверждать, что не только Россия нуждается в остальном мире (именно во всем мире, а вовсе не только в Европе или США), но и весь остальной мир, включая ее геополитических противников, нуждается в России.

Более того, сегодня сама функциональная нагрузка противостоит, похоже, претерпела своего рода расщепление. Россия, вопреки желаниям и настойчивым попыткам ее «западных партнеров» навязать ей привычную (по прежнему опыту Франции Наполеона III или нацистской Германии) роль агрессора, стремящегося к новому территориальному переделу мира, последовательно уклоняется от этой роли, всякий раз оставаясь в пределах своего социокультурного ареала. Как для противостоит для нее характерно прежде всего системное оппонирование центру-лидеру в вопросах международной политики и права, культурной и ценностной унификации, геостратегического сдерживания его безграничных экспансионистских устремлений.

А другую часть этой функциональной нагрузки, роль агрессивного противостоит, действительно угрожающего всему цивилизованному миру, в этих условиях все больше играют радикальный панисламизм и терроризм. Попытки «приручить» терроризм и использовать его в своих интересах, предпринимаемые с разным успехом и интенсивностью США, Соединенным Королевством, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром и рядом других государств, в итоге обо-

рачиваются против самих этих стран. Следствием этих попыток является не только дестабилизация всего Ближнего Востока, значительной части Африки и в перспективе – Центральной Азии, но и массовая миграция с Ближнего Востока и из Африки в страны Европейского союза. Их результатом является сегодняшний глубочайший миграционный кризис в Евросоюзе, демонстрирующий бессилие брюссельской бюрократии перед реальными вызовами и указывающий на необходимость переформатирования базовых принципов его функционирования.

Панисламизм в его разнообразных проявлениях (в том числе в виде «Исламского государства», Талибана и неоосманизма) и международный терроризм, выступая заодно (словно германский нацизм и итальянский фашизм в прошлую эпоху), бросают вызов всему миру. Попытки «договориться» с терроризмом, «организовать» его и, «приручив», направить против своих геополитических противников чреваты самыми разрушительными последствиями, включая высокую вероятность новых военных конфликтов и балансирования на грани масштабной региональной или мировой войны. Политика «умиротворения агрессора» вновь вводит мир в полосу неопределенности и бифуркационных переходов, стремительных перемен в мировом и региональном политическом развитии, со всей определенностью диагностируя неспособность США и всего Запада в одиночку управлять всей совокупностью текущих глобальных и региональных процессов.

Вместе с тем глобальные притязания панисламизма и международного терроризма, представляющих главную угрозу безопасности и устойчивому развитию современного мира, возникли отнюдь не на пустом месте. И ИГИЛ, и «Аль-Каида», и другие (запрещенные в России) террористические организации, как в свое время это делал нацизм, умело и эффективно используют в своих интересах противоречия и разногласия между США, европейскими государствами, с одной стороны, и Россией, Ираном, Сирией – с другой. К этому добавляются противоречия между Россией и Турцией, Ираном и Саудовской Аравией, между шиитами и суннитами, которые препятствуют созданию объединенной и действительно эффективной коалиции государств, противостоящей общей угрозе.

В результате достигается цель, в которой заинтересованы некоторые влиятельные политические силы на Западе, часть финансового капитала, криминальные структуры и международный терроризм: происходит хаотизация не только Ближнего Востока, но и Европы, Центральной Азии, значительной части Африки. Мир движется к «войне всех против всех». Именно в такой обстановке всеобщего хаоса и разрушения особенно хорошо чувствуют себя многочисленные финансовые спекулянты, значительная часть банковского капитала, преступные мафиозные структуры, организаторы наркотрафика, частные военные организации и другие субъекты современной мировой экономики и политики, любители «ловить рыбку в мутной воде».

Не следует также слишком обольщаться отдельными успехами в борьбе с ИГИЛ и другими террористическими организациями. Даже будучи выбиты из Сирии и Ирака, они появятся в других странах и в другом облики. Раз созданная террористическая сеть будет действовать и расширяться, пока ей будет обеспечена финансовая и военная поддержка и пока во многих исламских странах будет существовать огромная «горючая» масса, состоящая из обездоленных, униженных и социально неудовлетворенных людей. Несмотря на отдельные успехи в борьбе с международными террористическими организациями, однажды запущенный глобальный проект «Всемирного халифата» способен существовать и развиваться, принимая все новые формы. Это принципиально важное обстоятельство постоянно ускользает от большинства западных и некоторых либеральных российских политиков и экспертов, озабоченных кратковременными целями, приближающимися выборами, осуществлением своей либеральной миссии и т. п. При этом они утрачивают способность взглянуть на ситуацию в мире в целом и в долгосрочной перспективе. Они не хотят видеть того, что отвести эту главную угрозу развитию современного мира можно лишь путем создания единой антитеррористической коалиции (пусть, как уже говорилось выше, временной и ситуативной). Только такое решение этой ключевой проблемы текущей эпохи откроет перед миром возможность последующего разрешения накопившихся противоречий в политике, экономике, культуре, социальной сфере.

Некоторые выводы для России и мира

Неопределенность разрешения текущего кризиса и череда предстоящих бифуркаций мирового развития, а также исключительные противоречивость, парадоксальность и динамизм ситуации чреваты острейшими конфликтами и масштабными войнами. Это обуславливает императив ответственных и глубоко продуманных действий политических лидеров и партийных объединений различных стран, а также других общественных сил как во внутренней, так и во внешней политике. Реальность, однако, демонстрирует иное – безответственность и некомпетентность политиков, принимающих в угоду формальным схемам плохо продуманные и поспешные шаги, способные в ближайшие годы спровоцировать распад целых государств, революции и войны с непредсказуемыми последствиями, огромными разрушениями и многочисленными человеческими жертвами.

России, которая из-за неудачных, нередко разрушительных реформ, а также из-за неспособности эффективно противостоять политике давления на ее внутренний рынок со стороны США и других западных стран, находится в весьма сложной экономической и политической ситуации. Для нее сегодня жизненно необходимо проводить чрезвычайно гибкую и маневренную политику, не попадать в методично расставляемые капканы, провоцирующие экономический коллапс, социальный взрыв или вовлекающие ее в масштабную войну. Противопоставить этой политике она должна более последовательную защиту своих национальных интересов, меры более эффективной мобилизации своих экономических ресурсов, системную поддержку собственного внутреннего рынка, его целенаправленное оживление, подобно тому как это делали США при президенте Ф. Д. Рузвельте, Великобритания при У. Черчилле и его преемниках или Франция при президенте Ш. де Голле. К сожалению, пока экономическая политика России остается противоречивой и непоследовательной, приверженной уже дискредитировавшим себя неолиберальным догмам, проводимой в условиях коррупции и произвола чиновников. Отрыв правящей российской элиты (особенно ее финансовой и экономической

страты) от реальной ситуации в стране, действительных проблем, стоящих перед конкретными людьми, обществом и государством, составляет сегодня серьезную проблему, создает реальную угрозу единству и целостности российского социума, российской культуре и цивилизации.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать следующее. Конечный итог текущей эпохи великих потрясений, порождающей тектонические сдвиги во всех сферах общественной и индивидуальной жизни, отнюдь не предопределен. Он зависит от соотношения сил и конкретных действий ключевых субъектов мирового политического и общественного развития. Мы наблюдаем соперничество нескольких глобальных проектов, из которых главными являются глобальный «неолиберальный» проект мирового централидера в лице США и панисламистский проект «Всемирного халифата» в разных его версиях. Характерно, что оба эти проекта не принимают во внимание то принципиально важное обстоятельство, что современный мир является не только полицентричным, но и сформированным многими разнородными цивилизациями. Такое нежелание считаться с особенностями разных культур и цивилизаций чревато для мира в случае реализации того либо другого глобального проекта самыми разрушительными и губительными последствиями. Желательной альтернативой этим глобальным проектам мог бы стать проект многополярного мира, сочетающего множественность центров силы, эффективно сотрудничающих в консенсусно выработанных институциональных рамках, с культурным и цивилизационным многообразием составляющих его сообществ. За реализацию такого проекта уже сегодня в различной степени и в разных формах выступают Россия, Индия, Китай, Иран, многие страны Латинской Америки.

Тем не менее ключевым моментом, способным определить исход нынешней неопределенной ситуации, является позиция (сегодняшняя и на ближайшее будущее) США. Их роль сегодня двойственна и противоречива. С одной стороны, их политика на Ближнем Востоке, провоцируя там многочисленные конфликты, открыла «ящик Пандоры», вольно или невольно придала решающий импульс распространению радикального исламизма (что тем более

прискорбно, учитывая склонность некоторых сил на Западе использовать исламизм в качестве инструмента в геополитической игре против России и некоторых других незападных стран). С другой стороны, те же США борются с международным терроризмом, хотя порой это походит больше на искусную имитацию. Их выбор в настоящее время предсказать практически невозможно. Тем не менее, оценивая его варианты, следует принять во внимание влияние на данный выбор уже почти неизбежных перемен в Евросоюзе. Единственным возможным способом преодолеть стресс, обусловленный массовой инокультурной иммиграцией с Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки, могли бы стать глубокая перестройка и переформатирование стратегических ориентиров США и Европы.

В свою очередь исламистский терроризм, взявший на себя фактически роль агрессивного противостоителя, бросающего вызов всему миру, несет угрозу прежде всего самому исламскому миру (подобно тому как в свое время нацизм стал угрозой прежде всего самой Германии и в итоге привел ее к краху). Тем не менее эффективная борьба с ним и противодействие хаотизации мира, как и решение многих других животрепещущих проблем, сопряженных с глубоким кризисом миропорядка, невозможны без России. Это дает ей шанс избежать изоляции и последующего распада. Однако для того чтобы воспользоваться такой возможностью, ей прежде всего необходимо найти эффективную альтернативу уже полностью утратившей легитимность псевдолиберальной экономической и социальной политике, фактически поощряющей нищету и коррупцию, огромное имущественное и социальное расслоение, политическую поляризацию общества. Многие эксперты отмечают разительный контраст между эффективной внешней политикой России и беспомощной внутренней политикой (как в экономической и правоприменительной сферах, так и в вопросах политического представительства интересов граждан и пр.). В критический, переломный момент эпохи великих потрясений судьба России определится в том числе и ее собственной политической волей.

Литература

Акаев, А. А., Пантин, В. И. 2012. Прогноз геополитических сдвигов и основных угроз стабильности в мире. *Геополитика и безопасность* 2: 28–40.

Аладьин, В., Ковалев, В., Малков, С., Малинецкий, Г. 2016. *Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу*. М.: Ин-т русской цивилизации.

Безруков, А. О. 2015. Введение. Сценарии тревожного будущего. В: Безруков, А., Сушенцов, А. (ред.), *Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего* (с. 8–27). М.: ЭКСМО.

Глазьев, С. Ю. 2015. Угроза войн и ответ России. В: Лукьянова, Ф. (ред.), *Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил* (с. 93–107). М.: ЭКСМО.

Кругман, П. 2009. *Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата*. М.: ЭКСМО.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И.

2001. Волны политической модернизации в логике «противоцентра». В: Ильин, М. В., Иноземцев, В. Л. (отв. ред.), *Мегатренды мирового развития* (с. 207–234). М.: Экономика.

2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Олита.

Модельски, Дж. 2005. Эволюция глобальной политики (I). *Полис* 3: 62–82.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+.

2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.

Тойнби, А. Дж. 1996. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс – Культура; СПб.: ЮВЕНТА.

Хантингтон, С. 1994. Столкновение цивилизаций? *Полис* 1: 33–48.

Цыганков, А. П. 2015. Отложенный полицентризм. *Россия в глобальной политике*. В: Лукьянов, Ф., *Новые правила игры без правил* (с. 107–119). М.: ЭКСМО.

Arrighi, G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London; New York: Verso.

Huntington, S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Modelski, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.

Toynbee, A. J. 1948. *Civilization on Trial*. New York: Oxford University Press.